

Усадьбы на Волхове

В жизни людей, которых в архивах называют исследователями, бывает так много неожиданных находок, встреч, странных стечений обстоятельств, которые кажутся совершенно случайными, хотя, наверное, таковыми не являются. И появляется уверенность, что они были predeterminedены или, говоря современным языком, запрограммированы. Вот так совершенно неожиданно попал в мои руки машинописный «Отчёт по командировке М.В. Фармаковского в Новгородскую губернию в сентябре 1920 года», организованный Русским музеем. Мстислав Владимирович Фармаковский - научный сотрудник Института материальной культуры, крупнейший специалист в области консервации и реставрации различных памятников культуры, эрудит в разных областях знаний. Целью своей поездки он определил осмотр и описание усадеб, расположенных на левом берегу Волхова в тот исторический момент, когда трансформируется весь уклад жизни России и культурные объекты переходят из рук одних слоёв населения в другие.

Званка

Фармаковский плыл по Волхову на пароходе от Новгорода и первыми на его пути были маленькая усадьба Антониево и Онег, потом Захарьино и Вергежа, а последней Званка, но мы, в связи с тем, что нынешний 2015 год объявлен годом литературы, начнём именно со Званки.

Вспомним коротко её историю. Званка была куплена в 1897 году Дарьей Алексеевной (Дьяковой) второй женой Гаврилы Романовича Державина на деньги, данные ей в качестве приданого. Первоначально поместье было небольшое, но Дарья Алексеевна постепенно скупала прилегающие земли. Через несколько лет её владения протянулись по Волхову на десять вёрст и даже перешли на другой берег, где стали соседствовать с поместьем Аракчеева – Грузино. Вместо старого деревянного дома Н.А.Львов, давний друг и родственник Державина, построил на гребне холма новый, тоже деревянный, двухэтажный, с

куполом, с балконом на 4-х столпах. Каменная лестница с фонтаном переходила в широкий спуск к Волхову, посыпанный жёлтым песком. Хозяйство было обширное и передовое: с лесопилкой, паровой мельницей, ткацкой и суконной фабриками. Вода в дом подавалась с помощью пара. Был высажен парк с непременно в усадьбах аллеями и, конечно, были огороды, пчельники, скотные дворы и птичники. Всем заправляла деловая, толковая, расчётливая, но не скупая, Дарья Алексеевна. Державина хозяйство не интересовало, но он любил Званку за красоту и близость к Петербургу, (всего 170 вёрст по Большой Московской дороге), из которого можно было убежать сюда. А после отставки в 1807 году эта усадьба стала дорога ему особенно, превращая вынужденное бездействие в отдых в обществе близких людей и друзей. Здесь всегда было многолюдно: приезжие из Петербурга, соседские помещики, кроме Аракчеева, «с которым у него был многолетний пустяковый конфликт, который легко было кончить миром и Аракчеев первый делал к тому шаги. Но Державину нравилось препираться с вельможами. Ведение тяжбы он взял на себя и длил её из году в год с упорством и удовольствием». Особенно любил он общество сельских ребятишек, для которых у него всегда было угощение, и многочисленных племянников и племянниц Дарьи Алексеевны, которые одновременно были детьми его любимых друзей – поэтов: Львова и Капниста. Ведь они и он были женаты на сёстрах Дьяковых и через это считали себя родственниками.

Весна 1816 года выдалась у Державина незадачливой, с недомоганиями, обидами, трудно шедшей работой над пятым томом его сочинений. Он не мог дождаться, когда переедут они в Званку. Наконец, тронулись в путь и в конце мая рано утром прибыли в усадьбу. Жизнь потекла заведённым порядком. Державин наслаждался покоем, красотой, но была в нём какая-то отрешённость, воспринимал окружающее как бы со стороны – « Стар я стал. Кое-как остальные деньки дотаскиваю». Но ум его оставался ясным и острым. В эти последние свои дни продолжал размышлять он о времени и непрочности жизни.

В ночь на 5 июля появились у него боли в груди, но скоро прошли. На следующий день вечером возобновились, но уже такие сильные, что он не мог удержаться от громких стонов. Домашние стали уговаривать его завтра же ехать в Петербург, к врачу, он решительно отказался, сказав, что напишет письмо с описанием болезни и попросит прислать рекомендации, что надо

делать. Однако и письма не написал, так как два последующих дня чувствовал себя хорошо. Он вёл себя, как обычно: гулял, работал в кабинете, слушал чтение племянницы Параша, младшей дочери Львова. Вечером заказал сварить ему уху и, с удовольствием, съел две тарелки.

Через короткое время ему сделалось так плохо, как ещё не было. Дальше события развивались очень быстро: В одиннадцать часов, выпив бузины, он перешёл из кабинета в спальню. Вскоре страдания возобновились, и он потерял сознание. Во втором часу ночи сердце его перестало биться.

Рано утром «Дарья Александровна и Параша вошли в пустой кабинет Державина. Там в дневном свете ещё горела свеча, его рукой зажжённая, лежало платье, скинутое им с вечера. Молитвенник был раскрыт на той странице, где остановилось его чтение. Параша взяла аспидную доску – на ней было начало оды»:¹

Река времён в своём стремленьи

Уносит все дела людей

И топит в пропасти забвенья

Народы, царства и царей.

А если что и остаётся

Чрез звуки лиры и трубы,

То вечности жерлом пожрётся

И общей не уйдёт судьбы.

Стихи торжественны и мощны, как в лучшие его годы, и в тоже время, всё так просто, как он ещё никогда не писал. В первых четырёх строчках – его давнишнее убеждение, что всё проходит, но раньше он делал исключение для истории и поэзии, особенно поэзии, которых наделял бессмертием. Но во втором четверостишии отказывается он от этой своей мечты. Бог – это было первое слово, которое произнёс Державин в младенчестве. Не знаем, миф это или факт, но «отказываясь от исторического бессмертия, он должен был обратиться к мысли о личном бессмертии – в Боге. О Боге была его

¹ В Ходасевич Державин М.1988 стр.287

последняя мысль, для которой он не успел найти слов», - так комментирует это стихотворение В.Ходасевич

Похоронили Державина в Хутынском монастыре, который ему нравился, где любил он бывать у Преосвященного Евгения (Болховитинова). 11 числа вечером положили тело в гроб, отслужили последнюю панихиду, «гроб поставили на катафалк посредине лодки. По углам стояли четыре тяжёлых свечи. Лодка шла бечевою, за нею другая с провожатыми. Ночь была так тиха, что свечи горели во всё время плавания».²

По завещанию Дарьи Алексеевны Званка должна была стать женским монастырём. В 1869 году был открыт Званко-Знаменский монастырь, к этому времени усадебный дом был разобран.

Фармаковский Званки уже не нашёл. От усадьбы ничего, кроме части сада над самой рекой и ряда дубов не осталось. Монастырские здания он не описывает, так как «весь материал по Званке был собран Новгородским отделом культуры, который обещал выслать все имеющиеся фотографии», но упоминает о двух церквях, старейшая из которых постройки конца XVIII века. В советские годы монастырь был закрыт, в помещениях его разместили детский дом и трудовую артель. В 1941 году здесь, на подступах к Ленинграду шли жесточайшие бои, превратившие все монастырские постройки в руины.

Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,

Не вспомнится нигде и имя Званки.

--писал поэт. Да, дом разрушен, нет сада, но не забыто имя Званки.

В память 250-летия со дня рождения Державина в 1994 году на территории бывшей усадьбы был установлен памятник по эскизу художника Ф.Шишлова. Строгий и гармоничный – две белые арки и черный крест между ними - стоит он на холме, а у подножья холма медленно проплывает серебряный Волхов, на который так любил смотреть Державин, сидя на крыльце Званковского дома.

² Там же.

Вергежа

В десяти километрах от Званки, на береговом откосе Фармаковский увидел почти благоденствующую усадьбу Вергежа. Большой двухэтажный деревянный дом на каменном фундаменте с великолепным 6-ти колонным портиком, поддерживающим строгий, полный благородства фронтон. Колонны опирались на квадратные постаменты и на высоте 2/3 пересекались балконом второго этажа, «как это повторяется в огромном большинстве русских ампирных построек». – отмечает Фармаковский. Дом выглядел очень импозантно в обрамлении зелени вековых дубов. В строении чувствовалась рука мастера с большим вкусом. Со стороны двора дом был ниже, что зависело от расположения его на склоне и к тому же, сам дом и другие постройки имели самодельный вид, что, как отметил Фармаковский, было характерно для помещичьего быта начала XIX века. В это время наряду с великолепными замыслами классицизма продолжал жить традиционный уклад, подчинённый прежде всего удобствам сельской жизни. Красив был сад, занятый в большой степени теперь плодовыми деревьями, но ещё сохранялись в неприкосновенности несколько аллей, в том числе длинная липовая аллея, «неизменное украшение каждой Новгородской усадьбы».

Усадьба эта издавна принадлежала роду Тырковых, и в 1920 году в ней продолжала жить прежняя хозяйка Софья Карловна, «почтенная старушка 83 лет, которая, несмотря на свои лета, ещё полна сил и сохранила память». Хотя в это время в усадьбе уже была размещена военная сельско - хозяйственная организация, однако старой хозяйке была оставлена большая часть дома, дан огород и «она как-то невольно признавалась всеми главной в усадьбе».

Нам, сегодняшним жителям, не просто интересен, а как-то греет сердце факт, что один из обитателей этой усадьбы, а именно Александр Дмитриевич Тырков был соучеником Пушкина в Царскосельском лицее. Принятый по протекции соседа по поместью Гаврилы Романовича Державина он был одним из самых неприметных лицеистов. Застенчивый и молчаливый, он был добрым и послушным, недостаток способностей возмещал старанием и усидчивостью. Выпущенный прапорщиком в конноегерский полк он через пять лет вышел в отставку и поселился на Васильевском острове. Тырков был необыкновенно доброжелателен и

хлебосолен, наверное, поэтому большинство встреч бывших выпускников в Лицейскую годовщину 19 октября происходило на его квартире, где он устраивал обеды на большую ногу. Лицейскую годовщину 1928 года, на которой был Пушкин, праздновали тоже у Тыркова. Протокол встречи писал Пушкин: «19 октября 1828. СПб. Собрались на пепелище скотобратца курнореуса Тыркова (по прозвищу кирпичного бруса) 8 человек скотобратцев, а именно: Дельвиг-Тося, Илличевский-Олосенька, Яковлев-Паяс, Корф-дьячок-мордан, Стевен-Швед, Тырков (смотри выше), Комовский-Лиса, Пушкин-Француз (смесь обезьяны с тигром)». Далее идёт описание праздника, и отмечено «Тырковиус безмолвствовал». После встречи Пушкин уезжал в деревню, в конце протокола он приписал:

Усердно помолившись богу,

Лицею прокричав ура,

Прощайте братцы: мне в дорогу,

А вам в постель уже пора.

Живя в Петербурге, Тырков часто общался с Е.А. Энгельгартом, бывшем директором лицея. Заболев, он вернулся в Вережу, где жил его брат Алексей Дмитриевич, предводитель дворянства Новгородского уезда, там он и умер в 1843 году и был похоронен на кладбище Соснинской пристани – сейчас это платформа Волхов мост. Об этом свидетельствует сохранившаяся каменная плита с его именем, которую несколько лет назад обнаружила сотрудник Эрмитажа Анна Коневец.³ Там же сохранились надгробные плиты над могилами его отца, старшего брата и его жены.

Собрав выше написанные сведения о Званке и Вереже, я решила, что надо мне своими глазами увидеть, что осталось на их месте сегодня. Дочь предложила отвезти меня туда. Однако выяснилось, что до Званки доехать невозможно – нет дороги, можно только доплыть по Волхову или от Вережи пешком или на велосипеде, преодолев расстояние в десять километров, да и то только летом в сухую погоду. Мы поехали в Вережу. Сегодня это небольшая деревня, дома её хаотично раскинулись на высоком берегу Волхова, который обрывается у реки почти вертикальным откосом. Вдоль края откоса сохранились остатки парка без следов планировки, только в

³ «Чело» 2-2007 стр. 74

одном месте угадывается бывшая липовая аллея. Нигде не видно следов большого усадебного дома, который описывал Фармаковский.

Но нас ожидала большая удача. Местный житель, которого мы спросили, не знает ли он, где находился дом, показал на место, возле которого мы стояли. Он сказал, что место это указали потомки Тырковых, которые приезжали сюда пару лет назад из Америки. И ещё – они оставили ему фотографии! Он принёс эти фотографии, датированные 1893, 1911 и 1927 годами, некоторые с подписями на обороте, и мы их пересняли. На одной из них дом, каким его видел Фармаковский, на другой церковь на противоположном берегу Волхова, построенная в 1911 году Владимиром Алексеевичем Тырковым, мужем Софьи Карловны и отцом Иоанном Кронштадтским, и разрушенная в первые послереволюционные годы. На третьей, сделанной в Лондоне в 1927 году – семья Тырковых: Софья Карловна, её дочь Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс, её сын Александр с женой и дочерью и дочь Софья со своей дочерью, (дети Ариадны от первого брака), и её муж, Гарольд Вильсон. Значит Софья Карловна, уже знакомая нам, уехала в Лондон и идиллия в усадьбе, наблюдаемая Фармаковским в 20-ом году, закончилась без потерь.

Об Ариадне Владимировне, внучатой племяннице Александра Тыркова, оказалось много материала в интернете. Это была талантливая личность и красивая, обаятельная женщина. Она прожила яркую и очень долгую жизнь: училась на математическом отделении Бестужевских курсов, серьёзно занималась журналистикой и политикой, была членом партии кадетов с 1906 до 1917 года, единственной женщиной в ЦК этой партии. Она критиковала руководство кадетов за нерешительность, неактивность, её называли «единственным мужчиной в партии». В 1906 году вышла замуж за блестящего английского журналиста, полиглота, владевшего 58-ю языками, Гарольда Вильямса. В их доме бывали Мережковский, Зинаида Гиппиус, Ал. Толстой, Брюсов, Волошин, Блок и другие видные творческие люди Серебрянного века. Герберт Уэльс гостил несколько дней в Вереже в 1914 году. После начала Первой мировой войны Тыркова-Вильямс поставила интересы страны выше политической борьбы с правительством. Она организовывала санитарные отряды, работала в попечительстве о солдатских семьях. После Октября заняла непримиримую позицию по отношению к большевикам, участвовала в белом движении. В 20-ом году уехала из России тем путём, какой описан у Булгакова в «Беге».

В 1928г. после неудачной операции умер Гарольд Вильсон. Живя в Лондоне Ариадна Владимировна в течение 20 лет руководила Обществом помощи русских беженцев, в частности, организовывала платные лекции Бунину, С.Булгакову, Деникину и другим. Вторую половину жизни посвятила она литературной работе. Ею написаны «Жизнь Пушкина» в трёх томах, над которой она работала двадцать лет, (1929-1948), «Щедрый собеседник» - о муже, «Воспоминания» и другие книги.

В 1951году она переехала из Лондона к сыну в США, где и умерла в 1962 году в возрасте 97 лет.

Всю жизнь Вергежа неизменно сохранялась в её сердце, и в последние годы свои, в Америке, она писала:

«Откипело всё суетное и мирское, унялись политические страсти, и в душе осталась только Вергежа – как мечта о недостижимом».